

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск VII

Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV–XVII вв.

ЧАСТЬ III

Санкт-Петербург
2020

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2020. — Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. — Ч. III. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_7>

© www.milhist.info

© БЫКОВ А.В.

УДК 94 (47).041=161.1(045)"0/2"(470.2)

ББК 63.3(2)43

Быков А.В. О некоторых событиях войны 1471 г.

В статье рассматриваются основные события войны 1471 г. Подробно изучается роль Пскова и то, как он был вовлечен в военные действия на стороне Москвы. Автор показывает, как разворачивался конфликт и почему участие Пскова в войне 1471 г. предопределило общий ход военной кампании. Рассматривается ход осады псковичами новгородской пограничной крепости — Вышегорода. Освещен вопрос о численности новгородского конного ополчения, проведен разбор источников и исследований, связанных с Шелонской битвой. Опираясь на сообщения источников и объясняя противоречия между различными летописными сообщениями о битве, автор попытался воссоздать ход сражения.

Ключевые слова: XV в., Новгород, Псков, Шелонская битва, Новгородское ополчение.

Автор: Быков Александр Владимирович. В 2005 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Новгородское войско XI-XV веков». Область научных интересов: военная и социальная история средневековой Руси partizan007@yandex.ru.

Литература, использованная в статье:

Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. — СПб., 2001.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009.

Гильбер де Ланноа. Новгород и Псков в начале XV в. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до XV в. — М., 1960.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. — Л., 1974.

Андреев В.Ф. Северный страж Руси. — Л., 1989.

Степанова Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI веков. — М., 2004.

Андреев В. Ф. Об организации власти в Новгородской республике в XIV-XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. — Новгород, 2003.

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. — М.;Л. 1961.

Быков А.В. Отзыв на статью О.В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела:

исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Несин М.А. К истории битвы под Суздалем 1445 г., сражения под Русой 1456 г. и Шелонской битвы 1471 г. Ответ на замечания Д.Е. Бузденкова, изложенные в статье «К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О.В., Быкова А.В., Несина М.А., Комарова О.В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480-2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Т. X. — С. 1-137. <http://www.milhist.info/2018/04/01/nesin_11> (01.04.2018).

Несин М.А. Эволюция лучного боя, и засадной тактики во Владимиро-Суздальской Руси, а затем — в Великом Московском княжестве в удельный период (XII-XV вв.) И изменение в составе московского войска в XIV-XV вв. // Наука и образование сегодня. — 2018. — № 3 (26).

Несин М.А. Развитие лучного боя и засадной тактики во Владимиро-Суздальской Руси, а затем в Великом княжестве Московском в удельный период (XII-XV вв.). Изменение состава московского войска в XIV-XV вв. // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. — 2019. — № 5.

Несин М.А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. I. — С. 76-154 <http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12> (31.12.2018).

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2020/02/02/bykov_1

Ссылка для печатных изданий:

Быков А.В. О некоторых событиях войны 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2020. — Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV-XVII вв. — Ч. III. — С. 106-144 <http://www.milhist.info/2020/02/02/bykov_1> (02.02.2020).

Bykov A.V. About some events of the war of 1471

The article discusses the main events of the war in 1471. It studies in detail the role of Pskov and how it was involved in the military actions on the side of Moscow. The author shows how the conflict unfolded and why the participation of Pskov in the war of 1471 predetermined the general course of the military campaign. The author also discusses the course of the siege of the Novgorod border fortress Vyshegorod by the Pskov troops. The article carries out the question of the number of Novgorod horse militias and the analysis of sources and research related to the Battle of Shelon. Relying on reports from sources and explaining the contradictions between the various annals of the battle, the author tries to recreate the course of the battle.

Key words: fifteenth century, Novgorod, Pskov, Battle of Shelon, Novgorod militia.

About the authors: Bykov Alexander Vladimirovich. In 2005 he defended his thesis for the degree of candidate of historical sciences on the topic: "The Novgorod army of the eleventh-fifteenth centuries." His research interests include the military and social history of medieval Russia. partizan007@yandex.ru

References:

Bobrov A.G. Novgorodskie letopisi XV veka [Novgorod Chronicles of the XV century]. — SPb., 2001.

Alekseev Ju.G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III [The Campaigns of the Russian army under Ivan III]. — SPb., 2009.

Gil'ber de Lannoa. Novgorod i Pskov v nachale XV v. [Novgorod and Pskov at the beginning of the XV century] // Hrestomatija po istorii SSSR s drevnejshih vremen do XV v. — M., 1960.

Agrarnaja istorija Severo-Zapada Rossii XVI veka. Novgorodskie pjatiny [Agricultural history of the North-West of Russia of the XVI century]. — L., 1974.

Andreev V.F. Severnyj strazh Rusi [Northern guardian of Russia]. — L., 1989.

Stepanova L.G. Novgorodskoe krest'janstvo na rubezhe XV-XVI vekov [Novgorod peasantry at the turn of the XV-XVI centuries]. — M., 2004.

Andreev V. F. Ob organizacii vlasti v Novgorodskoj respublike v XIV-XV vv. [On the organization of power in the Novgorod Republic in the XIV-XV centuries] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. — Novgorod, 2003.

Bernadskij V.N. Novgorod i Novgorodskaja zemlja v XV veke [Novgorod and the Novgorod land in the XV century]. — M.;L. 1961.

Bykov A. Response to O. Schindler's "The modification of fashion: Russian armor in the second half of 15th century" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2016. — Special edition V. Great stand on the Ugra river — Vol. II. — P. 594-612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).

Nesin M. A. Shelonskaya battle of July 14, 1471: on the question of the tactics of the Moscow troops and the participation of the ambush Tatar army [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2014. — Vol. IV. — P. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Nesin M. Response to Buzdenkov D. On orientalism of the Muscovite army based on the chronicles of their war with Novgorod; namely, the battles at Russa, 1456 and of the Shelon, 1471 (Comments on the articles of Schindler O., Bykov A., Nesin M., Komarov O. published in the Special edition V «The Great Stand on the Ugra river 1480-2015») [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2018. — Vol. X. — P. 1-137.

<http://www.milhist.info/2018/04/01/nesin_11> (01.04.2018).

Nesin M.A. Jevoljucija luchnogo boja, i zasadnoj taktiki vo Vladimiro-Suzdal'skoj Rusi, a zatem — v Velikom Moskovskom knjazhestve v udel'nyj period (XII-XV vv.) I izmenenie v sostave moskovskogo vojska v XIV-XV vv. [Evolution of Archer combat and ambush tactics in Vladimir-Suzdal Russia, and then in the Great Moscow Principality in the specific period (XII-XV centuries) And change in the composition of the Moscow army in the XIV-XV centuries] // Nauka i obrazovanie segodnja. — 2018. — № 3 (26).

Nesin M.A. Razvitie luchnogo boja i zasadnoj taktiki vo Vladimiro-Suzdal'skoj Rusi, a zatem v Velikom knjazhestve Moskovskom v udel'nyj period (XII-XV vv.). Izmenenie sostava moskovskogo vojska v XIV-XV vv. [Development of Archer combat and ambush tactics in Vladimir-Suzdal Russia, and then in the Grand Duchy of Moscow in the specific period (XII-XV centuries). Changing the composition of the Moscow army in the XIV-XV centuries] // Voennaja arheologija. Sbornik materialov nauchnogo seminaru. — 2019. — № 5.

Nesin M. First generation of the Chingissid on the service to the Russian tsars as appears in biographies of the princely houses of the Kassim and Daniyar [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2018. — Special edition IX. Foreigners in the Russian military service in the XV-XIX centuries. — Vol. I. — P. 76-154 <http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12> (31.12.2018).

Internet link:

http://www.milhist.info/2020/02/02/bykov_1

Reference:

Bykov A.V. About some events of the war of 1471 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2020. — Special edition VII. Military history of Novgorod and Novgorod land in XIV-XVII. — Vol. III. — P. 106-144 <http://www.milhist.info/2020/02/02/bykov_1> (02.02.2020).

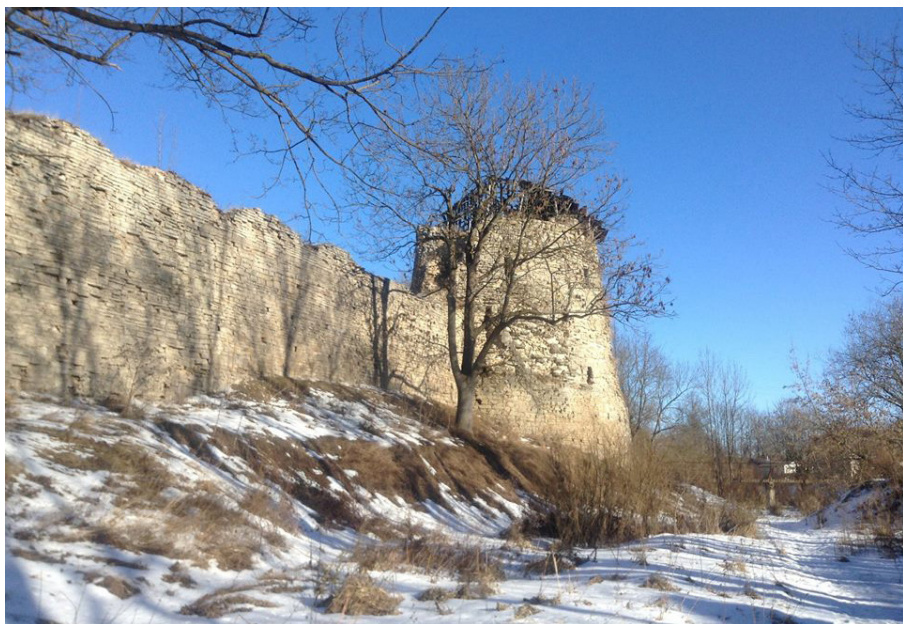
А.В. БЫКОВ

О НЕКОТОРЫХ
СОБЫТИЯХ
ВОЙНЫ
1471 г.

Война 1471 г. решила судьбу Новгородской вечевой республики. Кроме противостояния Новгородской республики и московского великого князя, главных участников этого конфликта, большое значение в войне имели их сложные взаимоотношения с Псковской республикой.

К концу XIV в. Псковская республика добилась почти полной независимости от Новгорода. Имел место ряд военных столкновений между новгородцами и псковичами (в 1390 и 1394 гг.), но перед лицом внешней угрозы вечевые республики все же помогали друг другу. Например, в 1406 г., узнав о нападении Литвы, новгородцы приходят Пскову на помощь, однако: «А новгородци, пришедше, не оучиниша псковичемъ помочи никоеа же»¹ против литовцев, предложили идти походом на немцев. Через год псковичи снова требуют военной помощи у новгородцев, на этот раз против немцев, «биша челом Новоугороду, абы имъ помогли; и они не помогоша псковичем ни мало»². В 1456 г., потерпев поражение под Русой, новгородцы послали в Псков послов с просьбой о помощи: «И псковичи не помянуша древняя злобы их, но правяще свое крестное целование, отрядиша воеводами Леонтия Макарьинича и Максима и послаша с силами февраля 15»³.

До 1471 г. лишь однажды — зимой 1440–41 гг. — псковичи воевали с Новгородом, поддерживая московского князя. Псковский летописец сообщал, что «совокупивше псковичи свою власть и все пригороды, и поидоша на Новгородскую волость князю великому в помощь, и воеваше Новгородскую волость, и под Порховом стояше три дни. И повоеваше псковичи Новгородские волости в долготу на 300 верст, а в ширину 50, от литовского рубежа и до немецкого»⁴.

Порховская крепость

Стоит обратить внимание на причины этой войны. В декабре 1437 г. митрополит всея Руси Исидор по дороге на Ферраро-Флорентийский собор проезжал Псков и *«постави им анхимандрита Геласья и дасть ему суд владычен и вси пошлыны»*⁵. Он таким образом вывел Псков из подчинения новгородскому архиепископу и лишил последнего всех доходов и пошлин, которые прежде шли ему из Пскова. Для Пскова этот шаг был окончательным обретением независимости от Новгорода. Однако архиепископ Великого Новгорода Евфимий II отказался признать Флорентийскую унию, подписанную митрополитом Исидором и, естественно, не признал решения митрополита-отступника об отделении псковской церковной епархии от новгородской. Собственно, политическая независимость светских властей Пскова от светских властей Новгорода уже была достигнута Псковской республикой и зафиксирована в Болотовском договоре 1348 г. Однако вхождение Пскова в новгородскую церковную епархию оставляло Псковскую республику зависимой от новгородского архиепископа, выбиравшегося на новгородском вече. Именно от этой зависимости и пытались избавиться псковичи, поддержав митрополита Исидора.

Вокруг Флорентийской унии развернулся конфликт между Новгородом и великим князем московским и владимирским Василием II. Московский князь зимой 1440–41 гг. еще признавал Исидора, подписавшего унию, законным митрополитом всея Руси. Он начал поход на новгородцев, противившихся Флорентийской унии, как на «отступников от веры», не повинующихся законному митрополиту. Москву в этой войне поддержали Псков и Тверь⁶. Таким образом, для Пскова конфликт 1440–41 гг. имел окраску войны за независимость от новгородского архиепископа, а для Москвы — войны против «вероотступников».

Боевые действия новгородцы вели в Заволочье и на псковском пограничье. Однако на основном направлении навстречу московскому князю и его войскам поехали послы: «Новгородци же послаша архиепископа Еуфимья и с ним бояр и житых людей, и наехаша его в Деревях у города у Демяна, и dokonчаша с ним мир по старине, и даша ему 8000 рублей»⁷. Откупившись от Москвы деньгами, т.е. вроде бы признав поражение в войне, Евфимий II, как стало ясно позднее, одержал победу политическую и идеологическую. Действительно, религиозное подчинение Риму, неизбежное при принятии Флорентийской унии, было бы для московского князя стратегическим проигрышем, в чем Евфимий II, видимо, сумел убедить Василия II. Возможно, не менее значимыми в переговорах оказались аргументы религиозного характера, красноречие и харизма Евфимия и огромная сумма денежной выплаты, совершенно не пропорциональная военным успехам московского князя, не одержавшего до переговоров никакой существенной победы над новгородцами. После переговоров с новгородским архиепископом Василий II принял сторону противников Флорентийской унии. Митрополит Исидор был арестован в Москве, затем бежал в Тверь, далее в Литву, а оттуда и в Рим. Из «вероотступников» новгородцы превратились в «защитников истинной веры»⁸. Флорентийскую унию вслед за московским князем отвергли и все зависимые от него государственные образования северо-восточной Руси.

После избрания нового, автокефального московского митрополита Ионы в декабре 1448 г., решение прежнего митрополита Исидора об установлении церковной самостоятельности Пскова от Новгородской епархии было, видимо, отменено. В 1449 г. после 14-летнего перерыва состоялся традиционный приезд новгородского архиепископа Евфимия II в Псков, где его встретили как законного владыку, выказав все

необходимое почтение и произведя все причитающиеся архиепископу денежные выплаты⁹.

Во время следующего конфликта Новгорода с Москвой в 1456 г. псковичи выступают на стороне Новгорода и даже посылают свое войско на помощь Новгороду против великого князя¹⁰.

К 1471 г. во взаимоотношениях Новгорода и Пскова накопилось немало взаимных обид и претензий. Однако втянуть Псков в войну с Новгородом для Москвы оказалось не так-то просто. Уже зимой 1470–71 гг. из Москвы в Псков приехал послом боярин Селиван *«поднимати псковичь на Великий Новгород: аже ми не добьет челом Великий Новгород о моих старинах, тогда бы есте моя вотчина Псков послужил мне великому князю на Великий Новгород за мои старины»*¹¹.

Узнав о требовании Ивана III, псковичи тут же отправили в Новгород посла, чтобы предупредить *«старшего брата»* о нависшей над ним опасности: *«Нас великий князь, а наш государь, поднимает на вас, а от вас своей вотчины челобитья хочет»*¹². Псковичи предложили Новгороду помощь в заключении мира с Москвой. Для того чтобы послать своих послов просить Москву о мире с Новгородом, псковичи просили у Новгорода свободного прохода своему посольству.

Новгородцы, видимо, опасаясь, что псковские послы разузнают какие-то ценные военные сведения, а затем Псков все равно выступит в этой войне на стороне Москвы, охранных грамот псковским послам не дали: *«Вашего посла к великому князю не хотим поднимати, тако же ни сами емоу челом бити не хотим: а вы бы есте за нас против великого князя на конь оуссегли по своему с нами миродокончанью»*¹³. На мирное решение конфликта с Москвой в Новгороде, очевидно, не рассчитывали. Вместо этого новгородцы потребовали от псковичей, соблюдая договор о взаимопомощи, вступить в войну на стороне Новгорода против Москвы.

Однако псковичи были в это время сильно обижены на Новгород. Дело в том, что незадолго до этого в Новгороде многих псковичей «порубали», то есть арестовали и конфисковали их имущество. Такая участь постигла не только обычных псковичей, но и официальных должностных лиц — владычного наместника в Пскове Иоана Фомича и Кирию Шереметова. Товары и деньги псковичей были конфискованы, а сами они больше полугода сидели *«на крепости измоучени в железах от биричов»*¹⁴. Из заточения их выпустили только после того, как посадник псковский

Яков Иванович ездил к великому князю в Москву «о том же челом бити своему государю»¹⁵. Упоминание в летописи бирючей (судебных исполнителей), говорит о том, что псковичи стали в Новгороде жертвами судебного произвола. Приезд новгородского посла в 1471 г. родственники пострадавших псковичей восприняли как возможность поквитаться за свои обиды. Они «поотнимали» у новгородского посла его людей на вече, а затем «серебро на них поимали», то есть взяли за них выкуп серебром. Таким образом они, видимо, компенсировали свои убытки за счет новгородского посла и его людей¹⁶.

Итак, помогать новгородцам псковичи не хотели. Но Москве еще предстояло добиться от Пскова участия в военных действиях. «Приехал от великого князя с Москвы послом дьяк великого князя в Псков, на имя Яков, на троицкой неделе, в пятницу; а веля Пскову в Великом Новгороде положить разметные грамоты в другую неделю заговев Петрова говения за великого князя обиду: а князь великой за вашими на завтра в понедельник свои грамоты положит»¹⁷.

По утверждению московских официальных летописцев, причиной войны Москвы против Новгорода в 1471 г. стало отпадение новгородцев от истинной веры¹⁸. Впрочем, как исчерпывающе показано в работах Я. С. Лурье, эти обвинения не соответствовали действительности и были не более чем пропагандой, служащей для оправдания завоевательного похода Ивана III на Новгород. В 1440 г. религиозные разногласия были реальным поводом войны, и поэтому дипломатические усилия архиепископа, устранившего эти противоречия, войну прекратили. Но в 1471 г. вымышленные религиозные разногласия были лишь поводом для нападения Московского князя.

Псковичи были поставлены перед выбором: воевать им с Новгородом против Москвы или с Москвой против Новгорода. Сохранить нейтралитет в этой войне оказалось невозможно, поэтому «псковичи, много думавше, положиша оупование на Бога по здравию великого князя, и послаша в Новгород разметную грамоту»¹⁹.

По требованию московского посла псковичи должны были первыми положить «разметные грамоты», то есть объявить войну Новгороду, а московский князь обещал объявить войну на следующий день. Псковичи выполнили эти условия. Но для Москвы этого было недостаточно. Московский посол призывал псковичей в тот же час, как будет положена

«разметная» грамота, «пойдите в землю на Великий Новгород воевать»²⁰. Псковичи вполне обоснованно опасались, что, немедленно начав войну, они окажутся один на один с превосходящими силами Новгорода. Вместо немедленного похода они затеяли ремонт городских стен и мобилизацию всего ополчения. Фактически псковичи поставили Москве условие, что начнут реальные военные действия только после того, как великий князь сам войдет со своими войсками в Новгородскую землю. Причем для того чтобы удостовериться в начале военных действий, в стан великого князя были посланы специальные послы — представители, слову которых Псков доверял²¹.

Ивану III удалось немного ускорить выступление псковичей. Согласно летописи, «в сам Петров день приеха князя великого боярин на имя Василии Зиновев, а с ним человек 100, повествуя: приехав, сказывается, от великого князя силы, и привезе с собою щькабатов клячь новгородских с 300 полоноу, и все псковичем роспрода, а друзии по волости; и псковичи ему дали подворье оу святого Спаса в монастыри за рекою. И была Пскову от него велика истора, как самому кормом и его коням; а он по вся дни Пскову повестуеуть: чтобы есте со мною на конь оусegli сими часы, а яз к вам отпоущен великим князем, воеводоу приехал»²².

Таким образом, князь прислал в Псков отряд, уже вступивший в Новгородскую землю и воевавший там. Мало того, этот отряд пригнал добычу — около 300 «щькабатов клячь» — видимо, это были тощие крестьянские лошадки, угнанные москвичами при разграблении попавшихся им по дороге деревень.

Кормить незваных гостей было накладно. Да и собравшееся уже псковское ополчение тоже требовало прокорма, тогда как взятые с собой в поход запасы ополченцев истощались. К тому же приходили все новые вести о том, что Великий князь уже вторгся со всем войском в Новгородские земли. Поэтому дальше поход решили не откладывать. «И сконпившиися вся сила 10 тысяць, и поидоша за рубеж с князем Васильем Федоровичем»²³.

Основным занятием псковского ополчения в этом походе стало разграбление и разорение новгородских деревень. Такой способ ведения войны был обычным для того времени. Мало того, только ограбление вражеской территории могло прокормить крупную армию в походе. Однако московская летопись по Воскресенскому списку приписывает

псковичам жестокость, которую невозможно объяснить логикой обычной феодальной войны: «Псковичи со всей землей своей вышли на службу... и идучи начали Новгородские места грабить и жечь и людей сечь и в хоромы запирая жечь»²⁴. Что тут — описание реальных фактов, отражающих ожесточение религиозной войны, или домысел московского летописца, выдающего желаемое за действительное — сейчас определить вряд ли возможно. Но псковские летописи о сожжении живьем мирных жителей новгородской земли не сообщают. Так что даже если подобная расправа где-то и произошла, то псковские летописцы доблестью её не считали и в летописях её увековечивать не стали.

В тот же день, 12 июля, когда псковичи вторглись в новгородские владения, «пригонивше новгородцы из зарубежья с Вышегородка, и в Наверечкой губе и много хоромов пожгли, и церковь святого Николы сожгли...»²⁵. Возможно, это был ответ на прежде случившееся разграбление новгородской земли московским отрядом, угнавшим полон в Псковскую землю.

Топоним «Вышегород» на карте Северо-Запада Русской земли встречается дважды. Один Вышегород находился на территории Псковской республики, южнее Пскова, на границе с Ливонским орденом. Он несколько раз упоминается в летописях в связи с нападениями «немцев». Другой Вышегород находится в 30 километрах к югу от Порхова. Для псковичей именно он был «зарубежьем». Уже в 1428 г. этот Вышегород упоминается как крепость.

Утром 14 июля 1471 г., в воскресенье, псковичи пришли под Вышегород и осадили его. Псковская третья летопись утверждает, что это было «15 июля в неделю», но это запись летописца XVI века, который вполне мог ошибиться с датой, как заметил Ю. Г. Алексеев. Более правильно было бы полагаться на датировку источников, синхронных событиям. Из этих источников следует, что воскресенье в 1471 г. приходилось на 14 июля²⁶.

Именно в этот день, в воскресенье 14 июля, произошла Шелонская битва. То есть новгородцы уже за несколько дней до этого отправили свое основное войско в поход на Псков, и это войско к 14 июля уже успело преодолеть расстояние от Новгорода до места столкновения с московскими силами на Шелони. Таким образом, заявление псковской третьей летописи о том, что новгородцы послали свои войска на Псков в ответ на осаду Вышегорода и разорение новгородского пограничья — ошибочно.

Ю. Г. Алексеев напрасно упрекал псковских воевод в том, что в их действиях *«не заметно ни ясной стратегической идеи, ни хотя бы стремления к взаимодействию с великокняжескими силами»*²⁷. Псковичи направили свои основные силы *«не к Новгороду и не на соединение с войсками великого князя, а к маленькому пограничному городку...»*²⁸ Но из псковских источников видно, что в 1471 г. псковичи вступили в войну с неохотой. Решение псковских воевод не было стратегической ошибкой. Оно было и политически и стратегически мотивировано. Просто они принимали решение не в интересах Москвы, а в интересах Пскова. В их планы вовсе не входило идти вглубь новгородской земли, рискуя столкнуться с превосходящими силами новгородцев. Вместо этого они тянули время, надеясь, что основной груз войны примут на себя московские войска. В то же время, для того чтобы прокормить собранное ополчение, псковичи должны были заняться ограблением приграничных новгородских волостей, что они и сделали, не отдаляясь при этом от границ собственной территории. Такую стратегию псковичей вполне можно признать успешной и с военной и с политической точки зрения. Великий князь, в результате, не мог обвинить их в бездействии и предательстве, но, в то же время, псковичи, по сути, одержали победу чужими руками.

Новгородское войско выступило в поход на Псков явно за несколько дней до того, как псковичи начали активные военные действия в Новгородской земле. Если какое-то военное событие и могло спровоцировать военный поход основных новгородских сил на Псков, то этим событием был рейд посла великого князя, боярина Василия Зиновьева, разграбившего новгородские деревни и скрывшегося с добычей в Псковских владениях.

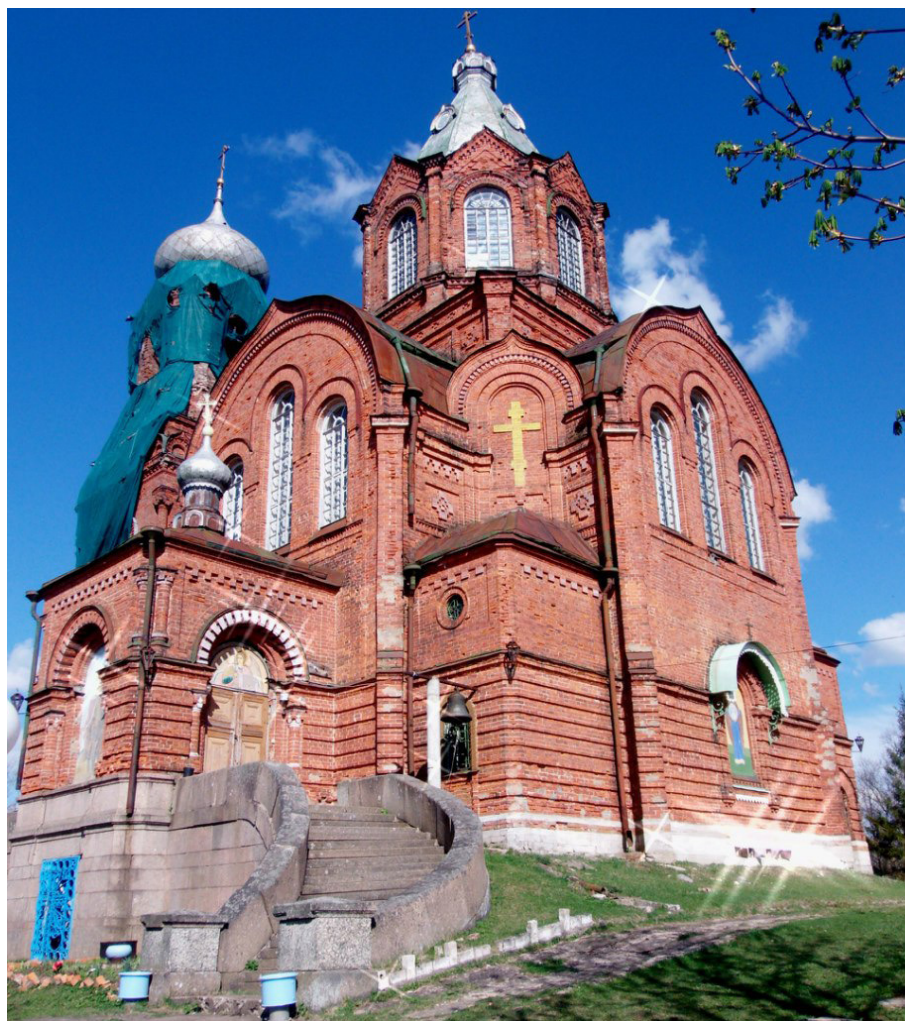
Наиболее же вероятным представляется, что решение о большом походе новгородцев на Псков было принято сразу же после того, как псковичи объявили войну Новгороду и стали собирать ополчение. Первым ударом вывести из войны более слабого из союзных противников — это было вполне очевидное стратегическое решение, которое новгородские воеводы могли принять и вовсе без какой-либо провокации на псковских рубежах. Скорее всего, Вышегород осадило не все псковское войско, а его основное ядро. Остальные силы, видимо, продолжали грабить приграничные новгородские земли, в том числе и для того чтобы обеспечить

продовольствием своих соратников, занявшихся осадой. На утро следующего дня, 16 июля, псковичи начали *«бити пушками и стрелами стреляти, и начаша к нему (Вышегороду.— А.Б.) примет приметывати»*²⁹.

Примет присыпался к стене деревянной крепости для того, чтобы потом эту стену поджечь. Просто так, от факела, сырое и массивное дерево стены не зажглось бы, но если сложить прямо под стеной очень большой костер из сухого хвороста и поджечь его в момент, когда ветер понесет огонь на стену, то стена со временем загорится от жара. Осажденные, конечно, всячески препятствовали возведению примета, обстреливая подносящих к стенам хворост осаждающих. А осаждающие стреляли по стенам, чтобы согнать оттуда стрелков противника. В случае если бы псковичам удалось соорудить достаточно большой примет — костер под стенами крепости, вышегородцы просто сгорели бы в своей крепости заживо или задохнулись бы в дыму. Для того чтобы разметать примет, нужно было сделать вылазку. Но на это вышегородцы решиться не могли, т.к. силы осаждавших их псковичей явно были гораздо более многочисленными: *«И они сами с городка оборонимся, примет зажегше с городка; а в то же время бысть в городке притужно силно, ни запаса, ни воды, все испускаше на нашоу на псковскоую силоу, и мало не подхошася сами в городке от зноя, держяхоу бо сами премежи коиждо себо и до самого вечера великоу истому о сем»*³⁰.

То есть вышегородцы сами зажгли примет, не дожидаясь, пока он станет достаточно большим, чтобы воспламенить стену. К уже вспыхнувшему примету псковичи не могли больше подносить хворост, так как сами умерли бы от жара. А чтобы от жара не загорелась крепостная стена, вышегородцы поливали ее водой и израсходовали на это все запасы воды в крепости. Планы псковичей были сорваны. Стена не загорелась. Но и вышегородцы остались без воды и сильно страдали от дыма и зноя. Псковичам для того чтобы взять Вышегород пришлось бы теперь дожидаться, пока потухнет старый примет, а потом присыпать к стене новый, под градом камней и стрел.

«А оуже бо баше и оу псковскаа рати много людии коих с городка постреля, а иных побииша камением; тогда же и посадника псковского Ивана Гахоновича с стене пострелиша». На следующий день воевода оборонявшегося новгородского гарнизона *«Есиф сын Кипреянов»* вступил в переговоры с московским воеводой и псковским князем *«стоа*

Церковь Св. Михаила Архангела на остатках земляных валов Вышегорода (деревня Вышегород Дедовичского района Псковской обл)

на забороле оу своего городка». В результате переговоров «отдався с городка полон псковскеи весь, что ни оу них было, и стрели собрав на городе или округ заборол», а псковичи «отступише на завтреа, в понедельник, от городка»³¹.

Мы здесь видим не крепость, сдавшуюся на милость победителя, а крепость, как минимум, не проигравшую. Псковичей не впустили в город и не заплатили им никакого выкупа. Псковичам только вернули

пленных, захваченных во время набега, и вернули стрелы, запущенные псковичами в город. Однако, не сумев захватить Вышегород, псковичи отыгрались на сельской округе, «воеваше волости и пожгоша около рубежа на 50 верст але и боле»³².

Тем временем «новгородци оуслышавше силу псковскую, что воюют их волости, и отрядиша воеводою Казимира, и Дмитрия сына Марфина, и инех много бояр, а около их всеи новгородской силе 40 тысяць; и поидоша на псковичь»³³. Новгородские летописцы приводят более реалистичную численность ополчения: «Посадники новгородские... и тысяцкие их, и бояре, и житьи, купцы и весь Великий Новгород: собравшиеся во едино и совокупившие рати яко 30 тысяч»³⁴.

Вопрос численности новгородского конного ополчения требует подробного рассмотрения. Жильбер де Ланнуа, побывавший в Новгороде в 1413 г., сообщает, что «все сеньоры Новгорода Великого владеют 40 тысячами конницы и бесчисленной пехотой»³⁵. Это сообщение, не будь оно подкреплено сообщениями других независимых источников XV века, можно было бы считать результатом недопонимания иностранца или результатом бахвальства, преувеличения сил новгородцев. Однако на подобную же численность новгородского конного ополчения под Шелонью указывают псковские и московские летописи, описывая войну 1471 г.

В сравнении с дошедшими до нас данными XVI в. о численности военных отрядов Московского царства, сорокатысячное конное ополчение Новгорода может показаться преувеличением. Однако надо учитывать, что в конце XV в. изменился сам принцип комплектования военных сил в Московском государстве. Создание поместного дворянства как раз и позволило с той же территории призывать на военную службу гораздо меньшее число более профессиональных и лучше экипированных воинов. Аналогии с другими эпохами или другими регионами, с ситуациями, в которых комплектование войска происходило по другому принципу, чем в новгородское войско, не могут служить подходящим ориентиром для оценки численности новгородского войска.

По подсчетам современных историков, в конце XV века на Новгородской земле жило около полумиллиона человек³⁶. Конечно, подавляющее большинство этих людей были сельскими жителями, не имеющими никаких военных навыков, а население самого Новгорода в XV веке

составляло примерно 20–30 тысяч жителей³⁷. Однако сельская округа Новгорода была довольно плотно заселена. Бояре и зажиточные горожане вполне могли обеспечить конями и доспехами своих зависимых людей из ближайшей, наиболее густо населенной сельской округи Новгорода. Кроме того, в состав «всей новгородской силы», собранной в 1471 г. входили не только жители Новгорода и его ближайшей округи, но и конные ополчения новгородских пригородов. Это видно из того, что во главе новгородского войска стоит посадник, что, судя по анализу новгородских летописей, происходило всегда, когда в поход шло ополчение не только города Новгорода, но и ополчения его пригородов³⁸.

Практически в любой усадьбе средневекового Новгорода археологи находят элементы вооружения³⁹. В «Уставе Всеволода о судах, и о людях, и о мерилах торговых» упоминается специальная норма, которую необходимо было соблюдать при разделе наследства между детьми от разных жен. При разделе небольшого имущества дети от третьей и четвертой жен должны получить *«из мала живота како робичичю часть* (то есть из небольшого имущества хотя бы такую же часть, какую получает «робич» — сын от рабыни. — А.Б.): *конь да доспех и покрут, по рассмотрению живота»*⁴⁰. То есть даже дети от 3-й и 4-й жен новгородцев и «робичи» должны были в наследство получить хотя бы коня и доспех.

Обеспечение сорока тысяч ополченцев лошадьми — более сложная задача. Лошадей невозможно заготовить впрок, на случай войны, как доспехи и оружие. Содержание сорока тысяч боевых лошадей представляется нам невозможным в условиях города Новгорода XV века. Однако в Пространной редакции Русской Правды, записанной в Новгородской Первой летописи, есть интересная статья: *«А се о закупе. А иже у господина розныи закупы, а погубит воиньскыи конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же копу емлеть, того погубившую ему, платити; аще ли господин его отшлет на свое орудие, а погыбнетъ и без него, того ему не платити»*⁴¹. Эта статья регламентирует ситуацию, когда хозяин (заимодавец, от которого зависит должник — закуп) призывает для участия в военном походе своего закупа, и тот является вместе с данной ему хозяином лошадью. Причем эта лошадь используется в походе как «воинский конь». Возможна и ситуация, когда сам закуп будет отослан из похода назад, а лошадь останется в пользовании у хозяина, также участвующего в походе. Приведенная

статья избавляет закупа от ответственности за гибель лошади, если та погибла как «воинский конь». Только в случае, если закуп допустил гибель лошади в обычное время, в ходе обычных сельских работ, он проявил нерадивость и должен тогда возместить стоимость загубленной лошади хозяину. Но за погибшую в результате военных превратностей хозяйскую лошадь закуп ничего платить хозяину не должен.

Итак, закон регламентировал ситуацию, когда свободные новгородцы не только сами ходили в походы, но и привлекали для участия в походах зависимых от себя закупов, посаженных на обычных пахотных лошадях, в мирное время используемых в хозяйстве этих зависимых крестьян. Видимо, значительную часть сорокатысячного новгородского конного ополчения и в 1413, и в 1471 году составляли не только небогатые горожане, «впервые севшие на коня», но и крестьяне-закупы (а возможно даже и крестьяне-черносошники), сельские жители, обычно занимавшиеся земледелием. Это вполне объясняет и высокую численность новгородского конного ополчения, и слабую боеспособность его значительной части. Столь многочисленное конное ополчение было скорее элементом устрашения, чем реальной боевой силой.

К сожалению, до нас не дошли полные данные переписи, проведенной дьяками Ивана III после присоединения Новгорода. Но из анализа дошедших до нас Новгородский Писцовых книг видно, что на момент утраты Новгородской республикой независимости в пятинах, по которым сведения сохранились наиболее полно, зафиксированы: в Шелонской пятине более 15,6 тысяч обож, а в Вотской пятине более 14,5 тысяч обож⁴². Таким образом, только в двух пятинах из пяти уже было более 30 тысяч обжей. В то же время для Новгородской земли республиканского периода обжа, это налогооблагаемая единица — то, что один человек обрабатывает на одной лошади⁴³.

Таким образом, мы видим, что даже силами сельских поселений двух из пяти новгородских пятин было возможно предоставить в ополчение порядка 30 тысяч лошадей и, при необходимости, всадников к ним. Таким образом, средствами «всех новгородских пятин» (т.е. всей собственно «Новгородской земли» без «волостей» — именно эта новгородская земля и была в конце XV века поделена московскими переписчиками на пятины и учтена в Новгородских писцовых книгах) было возможно обеспечить мобилизацию упоминаемых в источниках сорока тысяч

конных воинов-ополченцев. Возможно, в Новгородской республике существовала какая-то, не дошедшая до нас, норма, согласно которой мобилизации в конное новгородское ополчение в XV веке подлежали именно 40 тысяч воинов. Именно опираясь на эту, не дошедшую до нас норму, сообщают о «40 тысячах новгородцев» на Шелони Московские и Псковские летописцы, а также Гильбер да Ланноа, упоминавший о «40 тысячах конницы и бесчисленной пехоте».

О сборе этого конного ополчения, видимо, сообщает новгородский летописец под 1434 годом: *«прииха князь великои Василии Васильевич в Новъгород на святой недели, априля в 1. Тогда же на святой недели, априля в 5, выиха весь великый Новъгород ратью на поле на Заречьскую сторону к Жилотугу, а князь Василии был тогда на Городищи, и не бысть новгородцом ничего же»*⁴⁴.

Это был не сбор на войну, а сбор на своеобразный парад — демонстрацию силы перед московским князем. Причем для того, чтобы просто выехать из города в поле на парад, новгородцы собирались 4 дня. А ведь они должны были заранее знать о приближении князя к Новгороду. Скорее всего, получив весть о приближении князя, новгородцы начали готовиться заранее и планировали уже в день его приезда встретить князя во всеоружии и продемонстрировать таким образом свою военную мощь. Тогда с 1 по 5 апреля это не 4 дня на сборы, а 4 дня опоздания при сборе всего новгородского конного ополчения.

В 1444 г. поход новгородцев на ливонские земли был отменен, так как *«по грехом нашим, начаша кони мрети в городе и по волостем велми много»*⁴⁵. Возможно, этот поход планировался именно как поход всего новгородского ополчения, посаженного на конь, но из-за конского мора оказалось невозможным обеспечить все ополчение лошадьми. В то же время, небольшие военные отряды служилых князей, бояр и ополчения пограничных городков в войне участвовали. Вряд ли все они воевали пешком. Несмотря на мор, для небольшого количества профессиональных воинов кони, видимо, нашлись.

В Шелонской битве 1471 г. участвовали, судя по сведениям московских летописцев, 40 тысяч конных новгородцев, причем среди них были *«мастера всякие, спроста рещи, шютници и гоньчары и прочии, котории родився на лошади не бывали»*⁴⁶. Псковская вторая летопись сообщает: *«А новгородци оуслышавше силу псковскую, что воюют их*

волости, и отрядиша воеводу Казимира, и Дмитрия сына Марфина, и инех много бояр, а около их всеи новгородской силе 40 тысяч; и поидоша на псковичь»⁴⁷.

Мобилизационные возможности Новгородской земли наверняка были известны московским воеводам задолго до начала похода. Скорее всего, Иван III, отправляясь в поход на Новгород, собрал близкую, а, возможно, и превосходящую по численности армию. Это предположение не противоречит московским летописным известиям о битве. Пять тысяч составлял только передовой отряд московского войска, встретившийся с новгородцами под Шелонью. И это был даже не весь передовой отряд, а его часть, *«понеже бо в мале беху, все бо вои суций под ними, не ведуще того, пленяху места их и окрест Новагорода»⁴⁸*. Передовой отряд москвичей в полном составе, видимо, состоял не из пяти, а примерно из десяти тысяч воинов. Кроме того, сам московский князь с главными силами находился в это время в Яжелбицах. И при нем были *«царевич Даньяр, и братья его, благовернии князи Юрьи, и Андрей, и Борис, и боаре их, и все воинство их»⁴⁹*. Судя по статусу перечисленных военачальников, численность основных сил Москвы значительно превышала численность отправленного вперед отряда Д. Холмского. Таким образом, мы можем утверждать, что общая численность московских войск, приведенных в Новгородскую землю, была сопоставима с численностью новгородского ополчения. С обеих сторон силы исчислялись десятками тысяч воинов.

Новгородцы все свое конное ополчение направили против псковичей. И это в то время, когда с юга на Новгород со всеми своими силами шел гораздо более грозный противник — московский князь. Навстречу москвичам из Новгорода через Ильмень направились лишь небольшие отряды в лодьях. Задним числом можно упрекнуть новгородских воевод в неправильной оценке опасностей. Однако надо учесть, что боеспособность основной массы новгородского ополчения была крайне невысока, и новгородские-то военачальники об этом знали. Имея значительный численный перевес, новгородское ополчение могло бы наверняка разгромить такое же ополченческое войско Пскова. Поход и легкая победа воодушевили бы новгородское ополчение и подготовили бы его к более опасному столкновению с московскими силами.

К тому же сама природа могла бы защитить новгородцев надежнее, чем войска. *«Земля же их беяше Новгородцкая озеры и болоты велми*

наводнена, и того ради в летней године рать на них конная николи же не бывала ни от которых прежних государей и великих князей; а они... лете без опасы живуще, наводнения ради земли их»⁵⁰. Многочисленная московская армия должна была завязнуть в новгородских болотах, а навстречу небольшим отрядам, способным преодолеть обычную для этой местности летнюю распутицу, были посланы пешие отряды на лодьях. Под Коростынью и Русой эти отряды встретились с передовым отрядом москвичей и были разгромлены.

Кроме того, аномальная засуха позволила войскам московского князя начать полномасштабное вторжение: *«Ни крапля дождя с небесе на землю их не бывало во всем лете от месяца мая до месяца септемвриа, и земля их вся исше, и блата непроходимая от солнечнаго зноя пересохла; всюду бо везде у них ратнии полцы князя великого ничим же не удержиимо гоняху по всей земли и воеваху невозбранно, а скоти гнаху отовсюду непроходимыми месты и блаты все по суху»⁵¹.*

Многочисленность войск московского князя подтверждается еще и тем, что они двигались по новгородской земле несколькими колоннами. Это было вынужденной мерой, чтобы при помощи ограбления местных жителей в слабо освоенной местности обеспечить продовольствием десятки тысяч ратников московского войска. Двигаясь одной колонной, москвичи могли бы сразу дать отпор встретившемуся многочисленному войску противника. А рассредоточивающий свои силы полководец всегда рискует, что его отряды будут разбиты превосходящими силами противника поодиночке. Но в случае нехватки продовольствия полководец вынужден идти на такой риск.

Летописные сведения о засухе и о том, как ей воспользовались войска великого князя, достаточно подробны и правдоподобны, чтобы признать, что засуха имела место в 1471 г. Именно она поможет объяснить и то, почему так легко в дальнейшем далась московским всадникам переправа через обмелевшую Шелонь даже в том месте, где не было брода.

Итак, отправленное против псковского войска новгородское ополчение двинулось на юго-запад, вдоль берега Ильменя, а затем вдоль левого, северного берега Шелони. Все ополченцы ехали верхом. Однако воинов, умеющих сражаться верхом, и имеющих приученных к конному бою лошадей, было в ополчении немного. Содержание и поддержание в форме породистой боевой лошади требует немалых средств. Видимо,

боевые лошади были только у новгородских дворян, у бояр и их ближайших соратников. Под большинством же выступивших в поход ополченцев были обычные крестьянские лошадки — говоря языком летописца, «клячи новгородские».

Новгородские воеводы Василий Казимир и Дмитрий Борецкий рассчитывали, очевидно, двигаясь дальше вверх по Шелони, встретить разоряющее новгородские волости псковское ополчение, разгромить его и пополнить запасы продовольствия разграблением псковской земли.

Иван III также, скорее всего, опасался, что новгородцы до прихода основных московских сил обрушатся на псковичей превосходящими силами, разгромят их, и, таким образом, оставят Москву без ценного союзника. Поэтому великий князь приказал отряду Даниила Холмского — наиболее мобильной части своего войска — «идти за реку Шолону сниматися со псковичи»⁵². Даниил Холмский был одним из лучших воевод Ивана III и уже проявил себя в этой войне, разгромив отряды противника под Коростынью и Русой. Такой военачальник и отряд опытных, профессиональных воинов, по мысли Ивана III, должны были спасти псковичей от разгрома. А тем временем подошли бы главные силы великого князя.

Как видно из анализа летописей, и новгородские, и московские воеводы предполагали, что главное столкновение сил произойдет на новгородско-псковском рубеже, в верховьях Шелони. Встреча московского отряда со всем новгородским ополчением на реке Шелони, вблизи Сольцев была для обеих сторон неожиданностью. Именно поэтому отряд Д. Холмского встретился с главными силами новгородцев, находясь не в полном составе: «...понеже бо в мале бяху, все вои сущии под ними, не видяще того, пленяху места их окрест Новагорода»⁵³.

Московская повесть о походе Ивана III на Новгород сообщает, что москвичей под Шелонью было 5000 против 40000 новгородцев. Вот как описан в «повести» сам бой: «Воеводы же великого князя... поидоша напрасно (т.е. внезапно — А.Б.) противу их, яко лвы рикающе, чрес реку ону великую, ея же сами новгородци глаголють, никогда тамо броду имуще, а си, не пытающе брода, вси цели и здрави преидоша ея. Видевше же се, новгородци устрашишася зело, възмутишася и восколебашеся, яко пьяни, а си пришед на них начяшиа преже стреляти их, и възмутишася кони их под ними, начяшиа с себе бити их, и тако възгоре побегошиа»⁵⁴.

Новгородская четвертая летопись сообщает, что под Шелонью было 30 000 новгородцев. Возможно, 40 000 конников были некоей нормой, принятым в самом Новгороде числом конников, которые должны были быть выставлены при полном сборе ополчения. А 30 000 были известной самим новгородцам примерной численностью фактически выступивших в поход конных новгородцев. Ведь согласно московским источникам, часть новгородцев не хотела идти в поход. Таких «уклонистов» наказывали и даже убивали. Кроме того, часть ополченцев могла уйти в поход в составе судовых ратей, а часть остаться в Новгороде для охраны города.

Из летописного сообщения о том, что московские воины *«поидоша напрасно противу их... чрес реку ону великую, ея же сами новгородци глаголють, никогда тамо броду имуще, а си, не пытающе брода, вси цели и здрави преидоша ея»*, большинство исследователей делает вывод, что на месте Шелонской битвы не было никакого брода. Но брода не было лишь там, где переходили реку, атакуя, московские конники. Именно так следует понимать это летописное сообщение.

Если же предположить, что в месте сражения не было вообще никакого брода через Шелонь, то тогда становится непонятным, что же заставило оба войска остановиться именно в этом месте? Почему именно там москвичи стали ждать атаки, при этом уговаривая новгородцев «отложить войну до понедельника»? Почему новгородцы не двинулись дальше? Очевидно, что обе стороны нашли наиболее удобное во всей окрестности место для переправы через Шелонь. Также очевидно, что превосходящие силы новгородцев могли этой переправой воспользоваться для атаки на москвичей, а москвичи должны были опасаться атаки именно на этом месте, именно здесь, а не где-нибудь еще они должны были препятствовать переправе новгородцев, и именно вокруг этой переправы завязалось сражение.

Возможно, брод, вокруг которого происходило сражение, не был какой-то постоянно действующей переправой. Не исключено, что он стал заметен и пригоден для использования именно в результате засухи 1471 г., а в обычные годы как брод вовсе не использовался. Это может объяснить те затруднения, которые до сих пор возникают у исследователей при поиске этого брода на местности.

При встрече армий численный перевес новгородцев стал очевиден для обеих сторон. Поэтому «начаша Новгородци вопити на больших

людей, которые приехали ратью на Шолону: «оударимся ныне», кождо глаголюще: «яз человек молодый, испротеряхся конем и доспехом»; Москвичам же до понедельника отлагающим, бяше бо неделя»⁵⁵.

Мы предлагаем следующий вариант перевода этой фразы: «Ударим сегодня», каждый говорил (далее поясняя свою позицию): «я человек небогатый, сильно потратился на коня и доспех (имея в виду, что победа в сражении и военные трофеи помогут возместить эти расходы на коня и доспех)»; Москвичи же предлагали отложить бой до понедельника, потому что тогда было воскресенье (а в воскресенье воевать грешно)»⁵⁶.

Таким образом, инициатива битвы принадлежала не москвичам, а новгородцам. На каком основании москвичи «отлагающе до понедельника»? Видимо, существовал обычай откладывать сражение из-за праздничного, «священного» дня. Так, например, в Англии в 1141 г. перед битвой при Линкольне придворные советовали королю Стефану отложить битву «ради праздника Сретения»⁵⁷. В 1018 г. Болеслав I из-за праздника отложил сражение с войсками Ярослава Мудрого⁵⁸. Возможно, подобный обычай не устраивать кровопролития в воскресные и праздничные дни был известен и на Руси XV в., и именно к нему по словам новгородского летописца, апеллировали москвичи, пытаясь отсрочить сражение.

Понятно, что московским воеводам не хотелось рисковать, ввязываясь в битву с численно превосходящим противником. Разумнее для них было ждать атаки, укрепившись возле брода, на своей стороне Шелони. Столь же разумно было под любым предлогом тянуть время, надеясь на скорый подход двигавшихся следом основных сил великого князя, или хотя бы на то, что вскоре вернутся назад отряды, направленные на ограбление окрестностей. Мало того — атаковать численно превосходящие силы противника было для москвичей неоправданным риском. Московский князь послал воевод на соединение с псковичами, для того, чтобы предотвратить разгром псковского ополчения превосходящими новгородскими силами. Теперь для того чтобы выполнить эту задачу, Д. Холмскому было достаточно простоять несколько дней под прикрытием реки, удерживая возле себя все посланное на Псков новгородское ополчение и дожидаясь подкреплений. Просто стоя на Шелони напротив новгородского войска, Д. Холмский через некоторое время получал верную победу. В случае, если бы новгородцы решились на атаку, он имел бы преимущество — оборонительную позицию, прикрытую спереди рекой.

Самому атаковать противника в таких условиях — непростительная глупость, на которую мог бы, наверное, пойти неопытный, но отважный военачальник. Однако Д. Холмский уже много раз проявлял себя как опытный и успешный воевода. Вынудить его на рискованную атаку превосходящего противника через реку могли только чрезвычайные обстоятельства.

М.А. Несин пишет: *«Новгородский летописец уверяет, что москвичи отложили битву до понедельника, чтобы не проливать кровь в „неделю”. Но точно известно, что сражение произошло именно в воскресенье, 14 июля, на день Св. Акилы. Иван III по случаю победы в самом деле заложил в Москве, как и обещал, храмы во имя Акилы и Воскресения Христова. Как отметил Ю.Г. Алексеев, в Успенском соборе Кремля до сих пор имеется предел Св. Акилы. Едва ли новгородцы стали сознательно называть не тот день — это им было никак не выгодно. Но сломленные, изможденные ополченцы, долго проблуждавшие по лесам, могли легко перепутать дни недели, а предварительную субботнюю ночевку москвичей задним числом принять на воскресную»⁵⁹*. Упоминая о субботней ночевке перед боем, М. А. Несин в данном случае следует версии Типографской летописи, согласно которой оба войска тоже завидели друг друга накануне, но затем стали на ночлег по причине вечернего времени, а бой произошел *«в полутра»*, как раз в воскресенье 14 июля на день Св. Акилы⁶⁰.

Один человек, безусловно, может в стрессовой ситуации перепутать день недели. Однако в сражении участвовали тысячи людей. Все они одновременно перепутать день недели просто не могли. Действительной причиной некоторой задержки, вероятно, была ночь, из-за которой новгородские воеводы не решились повести войско в атаку в темноте, но с рассветом они были готовы к сражению. Это была ночь с субботы на воскресенье. Сражение произошло именно в воскресенье. То есть новгородские воеводы, фактически, не вняли просьбе москвичей *«отложить до понедельника»*, сочтя, что надо использовать численной преимущество, пока обстоятельства не изменились подходом каких-то дополнительных сил к москвичам.

Сама реконструкция сражения, предложенная М. А. Несиным, не выглядит достоверной. Исследователь пишет: *«Пытаться разгромить новгородское ополчение простым натиском было весьма рискованно.*

Поэтому логично предположить, что москвичи применили хорошо отлаженную военную тактику — стремительно бросились через реку на новгородцев, причем, согласно летописи, первыми устремились в воду воеводы, увлекая за собой остальных, а потом совершили притворное отступление. В это время в тыл новгородцев внезапно ударил засадный татарский отряд, а затем уже и москвичи с дмитровцами, не теряя времени, вновь атаковали с фронта. При этом надо отметить, они действовали оперативно и организовано»⁶¹.

Однако если принять предложенную М. А. Несиным версию сражения, то возникают следующие вопросы:

- если новгородцы просто стояли в боевых порядках, ожидая нападения москвичей, а те атаковали вброд, через реку, то почему тогда новгородцы не опрокинули московскую конницу встречной атакой сразу же после того, как она переправилась через Шелонь? Ведь ровно такой же маневр, даже без подавляющего численного перевеса, при вполне сопоставимых силах, принес победу войскам Дмитрия Донского в битве на Воже. Атаковать переправляющегося противника и опрокинуть его обратно в реку — обычное, часто применяемое решение, очевидное для любого военачальника. Что помешало новгородцам воспользоваться этими азами военного искусства? Вряд ли их могла испугать и деморализовать сама по себе переправа противника на их сторону реки, какой бы стремительной и неожиданной она ни была. Ведь новгородцы именно для сражения и выстроились, и столкновение с именно этим московским войском было ожидаемым для них событием;
- если посадники и бояре не увязли в схватке с московскими конниками уже на броне, а вместе с основной массой ополченцев просто обратились в бегство, испугавшись якобы напавших с тыла татарских отрядов, то почему тогда вся верхушка новгородского войска, отправившаяся в поход, оказалась у москвичей в плену? Пленение столь большого числа новгородских бояр оказалось возможным именно из-за того, что они в момент, когда основная масса ополчения бежала, уже были связаны боем с московскими всадниками на броне. Иначе они не оказались бы пленены, а ушли бы из-под угрозы окружения. Ведь более хорошо организованные и экипированные, имевшие лучших боевых коней и профессиональных

боевых слуг, бояре имели бы возможность легко отбиться от легкой конницы и уйти от погони, пока москвичи были бы заняты более легкой добычей — рядовыми новгородцами. Почему же в плену оказались в таком количестве наиболее знатные новгородцы? М. А. Несин в недавней работе допустил, что новгородские бояре как хорошо экипированные воины могли биться на своем берегу реки в первых рядах и поздно узнать о появлении в тылу иных неприятельских полков, при этом кони бояр стали мишенью для великокняжеских лучников, стрелявших с фронта по новгородцам и их коням⁶². Это, конечно, тоже могло затруднить бегство некоторых бояр, но ведь именно они имели возможность брать с собой в поход не одну, а несколько лошадей, так что даже ранение под боярином лошади не могло автоматически, оставить его пешим. Бояре и другие состоятельные, профессиональные воины, в случае ранения под ними лошади, пересаживались на другую лошадь, сменную. А вот простые ополченцы были лишены такой возможности, и именно они, если единственная лошадь была ранена, оказывались в наиболее уязвимом положении и становились добычей противника в случае поражения.

Кроме того, для феодального ополчения с его невысоким уровнем слаженности и военной дисциплины такие сложные маневры, какие домысливает М. А. Несин, были просто неосуществимы. В своих новейших работах автор усматривает притворные отступления и в других московских победоносных сражениях — под Русой с новгородцами в 1456 г. и при Ведроши с литовцами в 1500 г.⁶³ Соглашусь, что само по себе притворное отступление не является особо сложным маневром. Оно часто применялось степной конницей, как половецкой, так и монгольской, и, конечно, вполне могло быть перенято московскими воинами к XV веку. Однако атака, а затем притворное отступление через реку — это маневр крайне опасный и трудноосуществимый даже для более поздней регулярной кавалерии. Мало того, если бы все эти шаги (притворные атака и отступление через Шелонь, а затем атака новгородцев в тыл специально обошедшим их «засадным» отрядом) были изначально спланированы, а затем, по плану выполнены московскими войсками, это было бы событием совершенно выдающимся, говорящем о чрезвычайно высоком искусстве московских воевод и их

воинов. В таком случае летописцы бы обязательно отметили похвалами и подробным описанием эти сложные маневры, приведшие к победе. Умолчать летопись может о событиях обычных, рядовых, само собой разумеющихся, или же о событиях, порочащих «свою» сторону конфликта. Но возможно ли было умолчание о деяниях необычных, да к тому же еще и выставляющих московских воевод и их воинов в самом выгодном свете? Московские же летописцы ни о притворном отступлении через Шелонь, ни об атаке на новгородцев «засадной рати» с тыла не упоминают.

Предположим, что такие сложные маневры были возможными и даже рутинными для московской конницы конца XV в. Тогда почему они не были применены этими же воинами 9 лет спустя после Шелонской битвы, во время противостояния на реке Угре? Почему в 1480 году московскими войсками не использовались ни ложная атака через реку с последующим отступлением (предполагаемые Несиным на Шелони), ни отправка специального отряда в тыл врага с последующей одновременной атакой противника с двух сторон? Если предположить, что все эти маневры реально происходили и были настолько обыденными, привычными, что даже не упоминались в летописях, то почему же в 1480 году войска хана Ахмата не были столь же рутинно разгромлены с их применением? М. А. Несин в одной из недавних статей объясняет это тем, что для такой атаки надо знать положение войск противника заранее и быть уверенным, что его полки стоят компактно. В противном случае совершать такой рейд опасно. И не ясно, обладали ли русские войска на Угре такими знаниями о неприятеле⁶⁴. Впрочем, ничто в источниках не дает нам оснований считать, что московские воеводы обладали подробными разведданными о численности и расположении всех частей новгородского войска и в ходе Шелонской битвы. Скорее всего, в обоих случаях эти сведения были скрыты от военачальников «туманом войны», и свои действия московские воеводы в обоих случаях планировали исходя из этого своего неведения.

Даже героическая атака на превосходящего числом противника вплавь через реку не была применена против татар в 1480 г. Наоборот — вся московская рать использовала Оку, а затем Угру как прикрытие, усиливающее оборонительную позицию, и всего лишь пресекала попытки противника переправиться через реку. Как могли бесследно исчезнуть за 9 лет опыт военачальников и военная выучка московских профессиональных

конников? Логичней предположить, что и опыт военачальников, и воинская выучка в целом были в московском войске в исследуемый период значительно скромнее, чем представляется М. А. Несину.

Для объяснения известных нам из источников сведений придется предположить, что и на Угре, и на Шелони московские воеводы и их войска вели себя наиболее рациональным и безопасным способом: заняв удобную позицию, они ожидали атаки противника, надеясь выиграть время или использовать преимущества своего расположения в случае крупного столкновения. В отличие от своих противников, московские полки в обоих случаях сумели не побежать, не предаться панике, постоянно поддерживать боеготовность и немедленно вступать в бой при необходимости. Эта совершенно очевидная тактика, не требующая рискованных и сложных маневров, в обоих случаях привела более дисциплинированные и лучше организованные московские полки к победе.

Рассмотрим подробнее сложности предполагаемых М. А. Несиным маневров. При форсировании водной преграды движение войска всегда замедляется (независимо от того, приходится ли переплывать реку или переходить вброд). Поэтому отряд, уходящий от преследующего его по пятам противника, встретив на пути водную преграду, практически обречен на уничтожение. Противник таких убегающих просто догонит на переправе и будет безнаказанно убивать в спину. Притворная атака с последующим отступлением — известный и часто применяемый тактический прием, но она всегда планировалась с таким расчетом, чтобы у отступавших имелась возможность беспрепятственного отхода, чтобы преследователи не имели возможности их догнать.

Сама по себе атака на противника, прикрытого спереди водной преградой, дело крайне рискованное. В случае если эта атака окажется неудачной, и атакующие будут вынуждены отступить, спастись они уже не смогут. Только что форсированная преграда помешает им быстро отступить, и они будут перебиты преследующим противником. Если бы Шелонская битва началась притворной атакой москвичей через реку с последующим отступлением, то начавшие такую атаку москвичи были бы попросту перебиты преследователями в момент отступления. Иначе реконструируя ход Шелонской битвы, Ю. Г. Алексеев относительно идеи, что москвичи сперва атаквали новгородцев через реку, а затем отступили, писал, что *«обратная переправа означала бы ни что иное,*

как разгром москвичей новгородцами, что в корне противоречит всем известиям, в том числе и новгородским»⁶⁵. Хотя Ю. Г. Алексеев при этом не рассматривал возможность ложного отступления, но его заключение вполне применимо и к ней, поскольку тактическое отступление назад через реку тоже было бы смертельно опасно для москвичей.

Собственно, ни о какой притворной атаке ни один источник, описывающий битву, не упоминает. Московская повесть говорит об одной решительной атаке через реку, которая и привела к победе. Новгородская повесть сообщает об атаке новгородцев, «попятивших» москвичей, и о том, что затем новгородцы побежали после того, как на них ударила «западная рать Татарове».

Следующим сомнительным моментом реконструкции М. А. Несина нам представляется идея о том, что некий отряд «татар» был специально выделен Д. Холмским из своего войска, тайно отправлен на другую сторону реки и оттуда, с тыла, нанес удар по новгородцам ровно в тот момент, когда основные силы москвичей атаковали новгородцев во фронт.

В войске Ивана III в целом татары точно были, так что вероятность, что и у Холмского в отряде были в легкой коннице татары, весьма велика. М. А. Несин приводит ряд соображений по поводу наличия татар в составе отряда Холмского⁶⁶. Однако сохраняется и вероятность того, что новгородцы приняли за татар русские отряды легкой конницы, вооруженные «на татарский манер». Упоминание «*татар*» в новгородском источнике не доказывает, само по себе, наличия татар в войске москвичей, а лишь сообщает нам, что новгородцы какую-то часть московского войска приняли за татар. С другой стороны, участие служилых татар в военных походах Ивана III было явлением столь частым, что московские летописцы могли не упомянуть о татарах, т.к. ничего необычного и выдающегося в их участии не видели.

Находясь на враждебной территории с явно недружественным населением скрытно переправить отряд на другую сторону реки, выйти в тыл противнику и, однако, не быть обнаруженным до какого-то конкретного момента — дело чрезвычайно сложное. Практически невыполнимое. Если бы такой «заранее подкравшийся сзади» отряд был обнаружен раньше времени, то он был бы неизбежно уничтожен превосходящими силами противника. По мнению М. А. Несина, изучавшего биографии первых служилых касимовских царевичей, легкая конница касимовских

татар не раз совершала такие партизанские рейды в чужой враждебной земле. Исследователь приводит в пример внезапное нападение служилых царевичей на окрестности литовских городов в 1444 г. и захват касимовскими татарами царевича Данияра в 1477 г. пригородных новгородских монастырей и посадов⁶⁷. Однако в ходе рейда 1444 г. татары уклонились от вышедшего им навстречу противника, а в 1477 г. они и вовсе не встретили никакого сопротивления новгородцев, так как в это время последнее на вече еще только решали — оказывать ли сопротивление войскам Великого князя или просто сдаться. Таким образом, в обоих случаях самостоятельно действующие татарские отряды не вступали в военное соприкосновение с противником, и было бы странным ожидать от них опасного сближения со значительно превосходящими их силами и тем более самоубийственной атаки на превышающие их по численности войска новгородцев в ходе Шелонской битвы.

Наверняка привести новгородское войско в панику на Шелони могла бы только одновременная, причем внезапная атака и с фронта, и с тыла. Однако достичь такой одновременной и при этом внезапной атаки было практически невозможно при отсутствии отлаженной системы связи и координации действий.

Анализируя мотивы московских воевод, надо учитывать тот факт, что они не могли знать заранее, насколько слабы боевые качества основной массы новгородского конного ополчения, и насколько быстро оно обратится в бегство. Исходя из этого, для московских воевод лучшей тактикой было бы дожидаться подкрепления и не разделять свои войска, а наоборот — собирать ранее разделенные войска «в один кулак», и ожидать атаки в наиболее удобной для обороны позиции, препятствуя при этом переправе новгородцев на свою сторону Шелони.

Для новгородцев же наиболее выгодной тактикой было не откладывать бой и, переждав ночь, напасть ближайшим утром, воспользовавшись своим численным преимуществом, пока оно не утрачено. Логично было бы предположить, что каждая из сторон поступила наиболее выгодным для себя образом. Новгородцы атаковали, пытаясь форсировать Шелонь в самом удобном для них месте — на броне или на мелководье, превратившемся в брод в результате обмеления Шелони. А москвичи попытались помешать этой переправе, обстреливая переправлявшихся из луков и преграждая им путь на выходе из воды, а возможно, и прямо в реке.

Именно такое начало сражения реконструируется из анализа «новгородской повести». Московский же летописец, не видя в таком начале боя ни чего-то добавляющего славы москвичам, ни чего-то необычного, умолчал о нем.

Московский летописец сразу сообщает о самом важном для него и о самом выдающемся акте сражения, который и дал Москве победу — об атаке москвичей через реку без брода. Такая атака, завершись она разгромом москвичей, была бы показателем опасного, преступного безрассудства воевод. Но, учитывая, что она закончилась победой, атака стала показателем удивительной смелости и воинского мастерства московских воинов в сочетании с их удивительным военным везением, трактовавшимся, естественно, в смысле «им сам Бог помогает». И, конечно, москвичи могли атаковать новгородцев только форсируя реку вплавь, так как брод — наиболее удобное место для переправы, был уже занят. Там пытались переправиться на московскую сторону и увязли в сражении передовые новгородцы.

Видимо, первой в атаку на противника, по новгородскому обычаю, двинулась лучшая, наиболее профессиональная и хорошо вооруженная часть новгородского ополчения, возглавляемая воеводами и боярами. Новгородцы атаковали москвичей, переправившись через Шелонь в месте брода. Москвичи их, естественно, ждали, возможно, прямо на броде. Первый натиск новгородцев увенчался успехом — они «потеснили москвичей за Шелонь», то есть заняли брод и завязали сражение уже на южной, московской стороне реки. Доспех идущих в первых рядах конных новгородцев был, видимо, довольно тяжелым. Вряд ли тяжелые новгородские конники могли бы переправиться через Шелонь вне брода. В тесной рукопашной схватке на броде московские легкие, вооруженные «на татарский манер», всадники явно уступали тяжеловооруженным «вятшим» новгородцам. В бою участвовала пока лишь небольшая часть обеих ратей, но если бы новгородцам удалось оттеснить московские силы дальше от брода и полностью переправиться через реку, то москвичей ждал бы полный разгром.

Что в этой опасной ситуации могло толкнуть московских воевод на такой рискованный шаг, как атака оставшейся на противоположной стороне основной массы новгородцев? Ответ на этот вопрос, возможно, нашел М. А. Несин, обратив внимание на один из эпизодов в описании

битвы: «Когда к Холмскому и Хромому подвели пленных, воеводы обратились к тем: „Что ради вы с толиким множеством вои своих ни мала постоясте, и видяще малое наше воинство?“ Они же рекоша к ним: „Мы бо видхом вас бесчисленное множество, грядущее на нас, не токмо противу и нас идущи, но еще инные полки видхом, в тыл по нас пришедших, знамена же имут жолты, и болшиие стяги и скипетры, и говоръ людики мног и топот коньский страшен, и тако ужас нападе на ны. и страх объят ны, и приятъ нас трепет”»⁶⁸.

Все предыдущие исследователи этот эпизод воспринимали как фантастический, видя в описании параллели многочисленным летописным «чудесам», в которых небесное воинство помогает победить праведной стороне. Однако, как верно заметил М. А. Несин, никаких фантастических деталей в описанном эпизоде нет. «Чудесная» переправа легкой конницы через обмелевшую речку и враги, показавшиеся испуганным новгородским новобранцам «бесчисленными», — явления вполне объяснимые. Это позволяет согласиться с М. А. Несиным в том, что данный эпизод описывает какие-то события, реально происходившие в ходе Шелонского сражения.

Но интерпретация этих «иных полков» с желтыми знаменами как специально посланного засадного отряда нам представляется ошибочной. Более вероятно, что какой-то отряд — либо из тех, что были прежде посланы москвичами для разграбления округи, либо просто шедший на помощь к войску Д. Холмского, случайно оказался в тылу у новгородского ополчения, причем как раз в тот момент, когда наиболее боеспособная часть ополчения во главе с новгородскими воеводами уже завязла в битве на броне. Учитывая, что несколько тысяч воинов Д. Холмского были «распущены» для разграбления «окрестностей Новгорода», один из таких отрядов вполне мог зайти с рейдом на другую сторону Шелони, а теперь возвращался на соединение с основными силами, двигаясь к наиболее удобному для переправы месту — к броду. Ведь для Д. Холмского встреча с новгородским конным ополчением именно в этом месте была полной неожиданностью. Естественно, не знали о ней и возвращавшиеся из рейда «фуражиры», или какие-то иные спешно идущие Д. Холмскому на помощь подкрепления. Именно поэтому эти «иные полки» показались в виду новгородского ополчения. И главной заслугой «иных полков», принесшей Москве, в конечном счете, победу, было то, что они, внезапно

увидев перед собой столь многочисленного противника, не обратились немедленно в бегство. Если бы это был отряд, специально посланный Д. Холмским, чтобы атаковать новгородцев с тыла, то он бы, конечно, атаковал, хотя бы для того чтобы тут же обратиться в бегство и оттянуть часть новгородских сил из главного сражения. Однако ни о каких активных действиях этих «иных полков» источник не упоминает. А ведь источник — московская летопись, которая должна была бы выставлять московских воинов и воевод в наиболее выгодном свете! Но нет — полки просто показались в виду новгородского войска. Никаких других заслуг за ними нет. И достойны-то упоминания они только потому, что объясняют, отчего же испугались новгородцы. Последнее, по мнению М. А. Несина, объяснимо характером повествования великокняжеского хрониста, который, приводя слова перепуганных пленных новгородцев, не упомянул об активных боевых действиях всех великокняжеских сил, в том числе шедших с фронта. Для большинства новгородцев, впервые очутившихся на поле боя, которым малое великокняжеское войско показалось «великим множеством», было страшно само появление одновременно сзади и спереди отрядов противника⁶⁹. Но спланированное синхронное нападение этих отрядов на новгородцев с фронта и с тыла представляется нам проблематичным по описанным выше причинам.

Новгородские ополченцы, неожиданно обнаружив у себя в тылу вражеские войска, запаниковали. Для Д. Холмского возникшая паника оказалась возможностью вырвать победу из рук противника. Ведь даже если бы москвичи отстояли переправу и отбросили за реку передовой отряд новгородцев, то этим они бы только избежали поражения, но не добились бы победы. А вот обратив в бегство поддавшуюся вдруг панике основную массу новгородских ополченцев, москвичи получали уже верный выигрыш. Принимая решение об атаке, Д. Холмский мог вовсе не видеть причин возникновения паники среди новгородцев (именно это объясняет, почему москвичи задавали пленным новгородцам такие вопросы. Если бы паника возникла в результате каких-то специально организованных московскими воеводами мер, то никакого смысла задавать вопрос не было бы — ответ и так был бы московским воеводам известен). Итак, паника на той стороне реки была для Д. Холмского случайной удачей. Однако он, быстро оценив ситуацию, сумел ею воспользоваться и бросил все свободные силы в атаку на заколебавшихся вдруг новгородцев.

Стоит обратить внимание на то, что москвичи, переправившись через реку, не бросаются сразу в рукопашный бой с новгородцами, а вместо этого принимаются осыпать последних стрелами: *«А си пришед на них начяшия преже стреляти их, и возмутися кони их под ними, начяша с себе бити их, и тако въскоре побегошия, гоними гневом божьим»*⁷⁰.

Если бы московскими воеводами планировалась одновременная атака новгородцев с двух сторон, то именно она бы и произошла. Однако переправившиеся через реку москвичи и сами боялись сразу вступить в рукопашную схватку со столь многочисленным противником, а в стрельбе из лука имели явное преимущество перед ополченцами. Именно поэтому они, как и во время битвы при Русе в 1456 г., принялись осыпать стрелами новгородских коней и атаковали новгородцев лишь тогда, когда те в панике обратились в бегство.

Если бы среди атакованных в тот момент ополченцев нашелся военачальник, достаточно авторитетный и решительный, чтобы пресечь панику и немедленно бросить новгородцев в атаку на переправившихся москвичей то, возможно, исход битвы был бы совсем иным. Но все *«вятские»* новгородцы, включая воевод и посадников, видимо, участвовали в это время в сражении на броде, а основная масса новгородских ополченцев оказалась без руководства, зажатой между каким-то внезапно появившимся в тылу отрядом и атаковавшими через реку основными силами москвичей.

Для новгородцев появление в тылу полков с желтыми флагами и почти одновременная с этим атака москвичей через реку могли показаться единым замыслом, который они и описали как *«ударяшася на Новгородцев западнаа рать Татарове, и паде Новгородцев много, а иныи побегоша, а иных поимаша, а иных в полон поведоша»*⁷¹. Таким образом, победу московским воеводам принес смелый маневр в сочетании с низкой боеспособностью большей части находившихся в войске новгородцев. Предположение о том, что политическое противостояние внутри Новгорода вылилось при Шелони в междоусобные столкновения новгородских ополченцев, нам представляется сомнительным.

М. А. Несин пишет: *«Новгородский летописец отмечает распри среди соотечественников перед самой битвой в связи с нежеланием владычной конницы атаковать москвичей. Дело было в том, что владыка ее посылал только против исковичей, которые в эти дни вторглись*

в новгородские пределы и, осаждая приграничные крепости, продвигались в сторону самого Новгорода. Московский великокняжеский летописец даже сообщает, что при паническом отступлении новгородцы колюще друг друга»⁷².

Однако сообщение, на которое ссылается исследователь: *«Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они сами бежаще, друг друга бьюще и топчаще, кои с кого мога»⁷³*, невозможно трактовать как *«новгородцы кололи друг друга»*. Из летописного сообщения видно, что *«кололи»* новгородцев преследующие их москвичи, а бегущие новгородцы лишь *«друг друга бьюще и топчаще, кои с кого мога»*. В новейшей работе М. А. Несин поясняет эту фразу следующим образом: *«Косвенные сведения о разногласиях в рядах новгородского войска в те дни можно заметить и в независимом рассказе великокняжеского хрониста, что даже во время бегства после битвы новгородцы били друг друга, кто как мог»⁷⁴*. На наш взгляд, летописное известие выглядит не как описание какого-то боя между новгородцами, а как вполне правдоподобное описанием давки, неизбежной в любом стесненном проходе во время панического бегства столь многочисленного войска.

Конфликт же, в ходе которого *«владычный стяг»* отказался идти на помощь судовой рати, вовсе невозможно с уверенностью привязать к какому-то конкретному эпизоду войны 1471 года. А учитывая, что события 1471 г. в Новгородской четвертой летописи (в которой только и упоминаются *«владычный стяг»* и его *«несогласие»* воевать с москвичами) были описаны уже после Шелонского разгрома, причем именно в кругу книжников новгородского владыки, данный эпизод и вовсе может оказаться всего лишь попыткой летописца выставить владыку всяческим противником сопротивления Москве, отвратив от него, таким образом, гнев московского князя. Делать на основании этого единственного упоминания выводы о наличии какого-то специального военного формирования *«владычный стяг»*, о каких-то особых свойствах этого военного формирования, а равно и о какой-то его самостоятельной военной политике, отличной от общих действий новгородского войска, нам представляется преждевременным. Это могло быть временное военное формирование, только тем и отличающееся от других частей новгородского ополчения, что по какой-то причине имело свой особенный стяг, данный владыкой. Данный потому, что в состав этого подразделения

входили владычные дворяне, или потому, что туда входили ополченцы с Владычной стороны Новгорода, или потому, что в его числе были ополченцы, которые получили какое-то вооружение из арсеналов Владыки или же какие-то средства на вооружение из владычной казны. Гадать о причинах применения летописцем выражения «*владычнь стягъ*» можно долго. Но к пониманию произошедшего в ходе Шелонской битвы нас это вряд ли приблизит. В любом случае у нас нет никаких сведений о том, чтобы новгородский владыка хоть раз осуществлял оперативное управление новгородскими войсками. А направлялось новгородское конное ополчение, действительно, против псковичей, на что, видимо, новгородский владыка и дал перед походом благословение всему новгородскому конному ополчению. Вполне возможно, что «владычным стягом» названо в летописи именно все новгородское конное ополчение целиком, чтобы отличить его от нескольких прежде посланных судовых новгородских ратей, направлявшихся именно против москвичей.

К сожалению, данные, на которые мы можем опираться при попытках реконструировать происходившие во время Шелонской битвы события, весьма скудны. Более поздние летописи не добавляют принципиально новых сведений, а если и добавляют отдельные детали, то у нас нет никакой уверенности в том, что они действительно имели место в ходе сражения, а не были домыслены летописцами спустя десятки, а то и сотни лет после него. Мнения, предположения и умозрительные построения современных исследователей, не опирающиеся на синхронные источники, также могут только затруднить понимание происходивших событий, если принимать эти мнения и предположения за признанные факты, закладывая их в основу новых теоретических построений. В данной ситуации честному исследователю остается только выстроить наиболее вероятную версию происходивших событий, которая бы учитывала и объясняла все известные нам сведения, почерпнутые из синхронных источников. Возможно, точная локализация и подробное археологическое изучение места Шелонской битвы позволят нам в дальнейшем дополнить сведения о сражении не только новыми догадками, но и новыми фактами, которые прояснят спорные вопросы, связанные с этой битвой.

Стоит обратить внимание на то, что до войны 1471 г. новгородское конное ополчение во всей своей массе ни разу не участвовало в генеральном сражении. Никто не мог быть совершенно уверен в том, как проявит

себя в деле эта огромная по тем временам конная рать. Это был своего рода стратегический «джокер» в руках новгородских политиков, элемент устрашения, который наряду с трудностями преодоления летней дорожной распутицы и прочими проблемами логистики на протяжении почти всего XV в. защищал Новгородскую республику от прямого военного завоевания все более агрессивных и боеспособных соседей.

Анализ летописных сведений позволяет утверждать, что московский князь в 1471 г. собрал для похода силы, сопоставимые по численности с новгородским конным ополчением, и был в случае необходимости готов их все использовать в генеральном сражении, чтобы сломить непокорных новгородцев. В ходе прямого столкновения на Шелони оказалось, что реальная боеспособность конного новгородского ополчения крайне невелика. Для Ивана III это было, видимо, приятной неожиданностью (возможно, действительно воспринятой как Божье чудо), а для новгородских бояр оказалось крахом всех их прежних военно-политических расчетов. Несмотря на довольно мягкие условия Яжелбицкого мира и на то, что людские и финансовые ресурсы Новгорода в борьбе за независимость были еще далеко не исчерпаны, расстановка сил после Шелонского сражения принципиально изменилась.

Оказалось, что сорокатысячное новгородское конное ополчение серьезной военной опасности для московских сил не представляет, что для успешных операций против Новгорода достаточно меньших военных сил, чем это представлялось его противникам ранее. В новых условиях выяснилось, что для московских сил может быть доступна даже такая крупная и сложная военная операция, как осада и взятие Новгорода. Новгородцы же убедились, что им, по сути, нечего противопоставить крупному отряду московской конницы в полевом сражении. В результате во время нападения Ивана III на Новгород зимой 1477–78 гг. новгородцы практически отказались от любых полевых сражений с московскими войсками. Таким образом, именно военные события 1471 г. вокруг Шелони, на оси Новгород — Псков предопределили вынужденное присоединение Новгорода к Московскому государству в 1478 г.

Ссылки

¹ Псковские летописи (далее — ПЛ).— М., 1955.— Вып. 2.— С. 112.

² Там же.— С. 113.

³ Там же.— С. 49.

⁴ Там же.— С. 134.

⁵ Новгородская первая летопись (далее — НПЛ).— М.; Л., 2000.— С. 419.

⁶ Подробней о политической подоплеке этой войны см.: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века.— СПб., 2001.— С. 198–213.

⁷ НПЛ.— С. 421.

⁸ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века.— СПб., 2001.— С. 212–213.

⁹ ПЛ.— С. 138–139.

¹⁰ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ).— М., 2000.— Т. XVI.— С. 195.

ПЛ.— С. 53.

¹¹ ПЛ.— С. 175.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ ПЛ.— С. 176.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ПЛ.— С. 174.

¹⁷ ПЛ.— С. 182.

¹⁸ Московский летописный свод конца XV ст. (далее — МЛС) // ПСРЛ.— М., 2004.— С. 284–286.

¹⁹ ПЛ.— С. 55.

- 20 ПЛ.— С. 182.
- 21 Там же.
- 22 ПЛ.— С. 182–183.
- 23 ПЛ.— С. 55.
- 24 Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ.— М., 2001.— Т. 8.— С. 164.
- 25 ПЛ.— С. 182.
- 26 Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III.— СПб., 2009.— С. 116–117.
- 27 Там же.— С. 117.
- 28 Там же.
- 29 ПЛ.— С. 182.
- 30 Там же.
- 31 ПЛ.— С. 182–183.
- 32 Там же.
- 33 ПЛ.— С. 55.
- 34 Новгородская четвертая летопись (далее — НЧЛ) // ПСРЛ— М., 2000.— Т. IV.— Ч. 1.— С. 508.
- 35 Гильбер де Ланноа. Новгород и Псков в начале XV в. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до XV в.— М., 1960.— С. 548.
- 36 Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины.— Л., 1974.— С. 322.; Андреев В. Ф. Северный страж Руси.— Л., 1989.— С. 127.
- Степанова Л. Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI веков — М., 2004.— С. 87.
- 37 Андреев В. Ф. Северный страж Руси.— Л., 1989.— С. 127.
- 38 Подробнее о составе, организационном устройстве и способах набора новгородского ополчения см. Быков А. В. Новгородское Войско XI–XV вв. <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/novgorodskoe-vojsko-xi-xv-vekov.html>.
- 39 Андреев В. Ф. Об организации власти в Новгородской республике в XIV–XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли.— Новгород, 2003.— С. 18.
- 40 НПЛ.— С. 488.
- 41 НПЛ.— С. 285.
- 42 Данные приведены по Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке.— М.; Л. 1961.— С. 323–324.

- 43 Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV —
начала XVI в. — Л., 1971. — Т. 1. — С. 29.
- 44 НПЛ. — С. 417.
- 45 Там же. — С. 424.
- 46 Московский летописный свод конца XV века (далее — МЛС) // ПСРА. —
М., 2000. — Т. 25. — С. 289.
- 47 ПЛ. — С. 55.
- 48 МЛС. — С. 288–289.
- 49 Там же.
- 50 Новгородская летопись по списку Дубровского // Полное собрание
русских летописей. — М., 2004. — Т. XLIII. — С. 194–195.
- 51 Там же.
- 52 МЛС. — С. 288.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 НЧЛ. — С. 446–447.
- 56 Подробное обоснование перевода см. Быков А. В. Отзыв на статью
О. В. Шиндлера «Смена доспешной моды на Руси во второй половине XV в.»
[Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источ-
ники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. —
Ч. II. — С. 594–612 <<http://www.milhist.info/2016/10/12/bykov>> (12.10.2016).
- 57 Нечитайлов М. Сражение при Линкольне («Битва в снегу», 2 фев-
раля 1141 г.) [http://www.xlegio.ru/ancient-armies/medieval-warfare/
battle-of-lincoln-1141](http://www.xlegio.ru/ancient-armies/medieval-warfare/battle-of-lincoln-1141).
- 58 Галл аноним «Хроника и деяния князей или правителей польских».
<<http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gall/frametext1.htm>>.
- 59 Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике
московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный
ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014.
<<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
- 60 ПСРА. — М., 2000. — Т. 24. — С. 190.
- 61 Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике
московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный
ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014.
<<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
- 62 Несин М. А. К истории битвы под Суздаlem 1445 г., сражения

под Русой 1456 г. и Шелонской битвы 1471 г. Ответ на замечания Д. Е. Бузденкова, изложенные в статье «К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480–2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Т. X. — С. 54. <http://www.milhist.info/2018/04/01/nesin_11> (01.04.2018).

⁶³ Несин М. А. Эволюция лучного боя, и засадной тактики во Владимиро-Суздальской Руси, а затем — в Великом Московском княжестве в удельный период (XII–XV вв.) И изменение в составе московского войска в XIV–XV вв. // Наука и образование сегодня. — 2018. — № 3 (26) <<https://publikahcija.ru/images/PDF/2018/26/Science-and-education-today-3-26.pdf>>.

Несин М. А. К истории битвы под Суздалем 1445 г., сражения под Русой 1456 г. и Шелонской битвы 1471 г. Ответ на замечания Д. Е. Бузденкова, изложенные в статье «К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480–2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Т. X. — С. 1–137. <http://www.milhist.info/2018/04/01/nesin_11> (01.04.2018).

Несин М. А. Развитие лучного боя и засадной тактики во Владимиро-Суздальской Руси, а затем в Великом княжестве Московском в удельный период (XII–XV вв.). Изменение состава московского войска в XIV–XV вв. // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. — 2019. — № 5.

⁶⁴ Несин М. А. К истории битвы под Суздалем 1445 г., сражения под Русой 1456 г. и Шелонской битвы 1471 г. Ответ на замечания Д. Е. Бузденкова, изложенные в статье «К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В.,

опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480–2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Т. X. — С. 123. <http://www.milhist.info/2018/04/01/nesin_11> (01.04.2018).

⁶⁵ Цит. по: Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 122.

⁶⁶ Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464–482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

⁶⁷ Несин М. А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служивых царевичей Касима и Данияра [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. — Ч. I. — С. 78–79, 118–119 <http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12> (31.12.2018).

⁶⁸ МАС. — С. 289.

⁶⁹ Несин М. А. К истории битвы под Суздаlem 1445 г., сражения под Русой 1456 г. и Шелонской битвы 1471 г. Ответ на замечания Д. Е. Бузденкова, изложенные в статье «К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480–2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Т. X. — С. 120–121 <http://www.milhist.info/2018/04/01/nesin_11> (01.04.2018).

⁷⁰ МАС. — С. 289.

⁷¹ НЧЛ. — С. 446–447.

⁷² Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464–482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

⁷³ МАС. — С. 289.

⁷⁴ Несин М. А. К истории битвы под Суздаlem 1445 г., сражения под Русой

1456 г. и Шелонской битвы 1471 г. Ответ на замечания Д. Е. Бузденкова, изложенные в статье «К вопросу об ориентализации московского войска на основе летописных известий о московско-новгородских боях под Русой в 1456 г. и на Шелони в 1471 г. (Отзыв на статьи Шиндлера О. В., Быкова А. В., Несина М. А., Комарова О. В., опубликованные в специальном выпуске № 5 «Стояние на реке Угре 1480–2015») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники.— 2018.— Т. X.— 39. <http://www.milhist.info/2018/04/01/nesin_11> (01.04.2018).